

0108

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Менни Джордан

ИСКУССТВО ПРИТВОРСТВА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Пенни Джордан

Искусство притворства

«Центрполиграф»

2011

Джордан П.

Искусство притворства / П. Джордан — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Лиззи Верхэм, талантливый дизайнер, едет в Грецию, надеясь получить там очередной заказ, ведь ее семье так нужны деньги! Но она встречает Илиоса Маноса, и все ее планы рушатся: богатый грек утверждает, что Лиззи – мошенница и что она должна ему огромную сумму... Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джордан Пенни

Искусство притворства

Пролог

Илиос Манос взглянул на земли, которые принадлежали его семье уже пять веков.

На этом каменистом мысу, вдававшемся в Эгейское море на северо-западе Греции, когда-то Александрос Манос построил для себя виллу, в точности скопировав творение великого архитектора Палладио – виллу Эмо.

Согласно семейным преданиям, Александрос Манос – богатый купец, имевший свои торговые суда, курсировавшие между Константинополем и Венецией, – вел совместные дела с семьей Эмо. И Манос сгорал от зависти, когда Эмо построил себе новый особняк. Втайне от всех скопировав чертежи Палладио и привезя их в Грецию, он построил себе точно такую же виллу, назвав ее вилла Манос. А затем заявил, что и сама вилла, как и земля, на которой она стоит, являются священной собственностью семьи и должны передаваться из поколения в поколение. Именно здесь Александрос Манос создал свою вотчину – маленькое королевство, где стал абсолютным властителем.

Прошли годы. Теперь Илиос знал, что этот каменистый мыс, омываемый с трех сторон Эгейским морем, а с севера защищенный высокими горами, был для его собственного деда дороже всего на свете. Отец Илиоса отдал свою жизнь, чтобы сохранить его, а дед пожертвовал своим богатством, чтобы его защитить. Но дед не защитил своих сыновей, которых родил, – пожертвовал ими, чтобы сдержать свое слово: ради прошлого и будущего их семьи.

Илиос многому научился от своего деда. С самого детства ему постоянно говорили о том, что он является наследником Александроса Маноса, а это не только великая честь, но и большая ответственность. Он должен отказаться от всяческих эмоций – и не только отказаться, но и забыть о них – для того, чтобы хранить огонь семейного очага, а потом передать его другим поколениям. Рука, передающая этот огонь, может быть смертной, но сам огонь – никогда. Дед часто рассказывал Илиосу о семейных преданиях, напоминая внуку о том, какая великая ему выпала честь – быть продолжателем рода Александроса Маноса. Илиос должен пожертвовать всем, чтобы сохранить семейный очаг и передать его потомкам.

И вот его черед поддерживать этот огонь настал. К тому же Илиос должен сделать то, что не смог сделать его дед, – возродить богатство и величие их семьи.

В те дни, когда Илиос, еще совсем мальчишка, обещал своему деду возродить былую славу их семьи, его кузен Тино смеялся над ним. И Тино расхохотался, когда Илиос посоветовал брату избавиться от долгов, продав ему свою половину наследства, также доставшееся от деда.

Илиос взглянул на дом, стоявший перед ним. В чертах его красивого лица словно была запечатлена история многих поколений – сильных и упрямых людей. Казалось, лицо его было высечено из мрамора руками тех, кто создавал античные статуи греческих богов. Золотистые глаза, унаследованные от бабушки, которую дед Илиоса, Александрос, привез с собой из далеких северных земель, уставились на горизонт.

Тино больше не смеялся над Илиосом. Теперь он мечтал о реванше. Собственно, отомстить двоюродному брату Тино мечтал с самого детства. Он всегда завидовал Илиосу – у него не было того, что было у его младшего кузена. Сам Тино был сыном младшего из двух братьев, сыновей Александроса, а Илиос – сыном старшего. И за это Тино ненавидел его.

Тино имел дурную репутацию в кругу деловых людей. С ним было тяжело договориться, он часто нарушал соглашения. И все это он делал руками своих подчиненных, заставляя их

создавать невыносимые условия для тех, кто, по его мнению, мешал ему. Вряд ли можно было сказать, что он достиг успеха упорным и тяжелым трудом.

Илиос же не прибегал ни к каким махинациям, ни к каким грязным сделкам. Он просто честно и много работал. Он знал свое дело досконально, потому что сам его возрождал. И даже теперь ни один документ с названием его фирмы, «Манос констракшн», не мог вступить в силу, пока Илиос лично не изучил все его мельчайшие детали. Он гордился своей работой и достойно продолжал дело, доставшееся ему от деда.

Илиос проделал огромный путь – от бедности в детстве к богатству, и это пробуждало в его кузене зависть и злобу.

Лучи восходящего солнца скользнули по нему, и лицо его, в золотистом освещении, мгновенно стало похоже на маску знаменитого македонца – Александра Великого. Он тоже родился в этой части Греции...

В нескольких ярдах от Илиоса в ожидании стояли бригадир рабочих и водители нескольких мощных бульдозеров.

– Что прикажете делать? – спросил бригадир.

Илиос мрачно взглянул на дом, стоявший перед ним:

– Сноси его. Сровняй с землей.

На лице бригадира отразилось изумление.

– Но... ваш кузен?..

– Мой кузен не скажет ничего. Разрушайте это здание, до основания.

Бригадир дал сигнал водителям, и, когда ковш трактора врезался в стену, обращенную к утреннему солнцу, Илиос, резко повернувшись, зашагал прочь.

Глава 1

Лиззи взглянула на своих младших сестер – и ощутила знакомую потребность их защищать во что бы то ни стало.

– И что же ты собираешься делать? – взволнованно воскликнула средняя сестра, Чарли.

– Я вижу только один выход, – сказала Лиззи. – Мне надо ехать.

– Что? Лететь в Фессалоники?

– Больше я ничего не могу сделать.

– Но у нас нет денег! – Это сказала Руби, самая младшая из трех сестер.

Ей было уже двадцать два года, но в семье она всегда считалась кем-то вроде маленького ребенка. Ее пятилетние мальчики-близняшки, которым сегодня было позволено лишние полчаса посмотреть телевизор, необычно тихо сидели в соседней комнате, пока сестры обсуждали свои серьезные проблемы.

«Да, у нас нет денег, и это моя вина», – виновато признала Лиззи.

Шесть лет назад, когда погибли их родители, попав в страшный шторм во время отдыха на море, Лиззи дала себе обещание – сделать все возможное, чтобы сохранить их семью. Окончив университет, она нашла работу в престижном дизайнерском бюро, занимавшемся разработкой интерьеров, и таким образом воплотила в жизнь свою давнюю мечту. Чарли лишь недавно поступила в университет, а Руби готовилась к сдаче экзаменов в колледже.

У них была любящая, сплоченная семья, и потрясение, которое сестры испытали после смерти родителей, было очень велико. Особенно для Руби. Охваченная отчаянием, она бросилась на поиски любви и поддержки, которых ей так не хватало, и скоро оказалась в объятиях мужчины, очень быстро бросившего ее беременной.

Но сестрам предстояло пережить еще одно потрясение. Их красивый, замечательный отец и очаровательная, любящая мать, которые создали для дочерей счастливый мир, сами жили словно в сказке, как оказалось, не имевшей никакой опоры в реальности. Прекрасный дом георгианского священника, стоявший в маленькой деревушке в Чешире, где выросли сестры, оказывается, был давно заложен, у родителей не оказалось никаких страховок – ни на имущество, ни на жизнь, зато остались большие долги. В конце концов сестрам ничего не оставалось делать, как продать любимый родительский дом.

Движимая желанием защитить и поддержать младших сестер, Лиззи готова была пойти на все. Рынок жилья бурно расширялся, поэтому, собрав свои небольшие сбережения, она вложила их в собственное дело, зарегистрировав фирму в перспективном районе южного Манчестера. Теперь Чарли могла продолжить учебу в Манчестерском университете, да и Руби получила хорошие возможности начать учиться.

Сначала дела шли хорошо. Лиззи выиграла конкурс на оформление интерьеров нескольких офисных зданий, а потом посыпались заказы от частных лиц, которые хотели отделать дома, которые только что купили. Воспользовавшись успехом, Лиззи сама купила новый дом – гораздо больше прежнего – у одного из застройщиков, на которого она работала, при этом взяв еще более крупный ипотечный кредит. Новый большой дом был им очень нужен: двойняшкам и трем сестрам требовались отдельные комнаты. Кроме того, им был еще нужен большой автомобиль. Лиззи – для того, чтобы ездить по объектам, а Руби – чтобы возить мальчиков в школу.

А потом разразился кризис – и буквально за одну ночь все изменилось. На рынке недвижимости обрушились цены, а это означало, что Лиззи не смогла выплатить ипотечный кредит, и конечно же заказы у нее резко сократились, а затем и вовсе исчезли. Деньги, которые Лиззи хранила в банке «на черный день», не дали прироста, как она ожидала.

Чарли все еще работала в местной фирме менеджером проектов, но Руби все же решила искать работу. Ее сестры были против – обе хотели, чтобы Руби сидела дома, воспитывала

близнецов. В конце концов положение настолько ухудшилось, что Лиззи уже была готова пойти работать в местный супермаркет. Но в этот момент пришло письмо, и теперь сестры оказались в еще более отчаянном положении.

Два прежних клиента Лиззи, для которых она когда-то выполнила большой заказ, предложили ей заняться интерьером небольшого дома, купленного ими в Северной Греции. Расположенный на живописном полуострове, этот дом был первым шагом в строительстве роскошного туристического комплекса – с виллами, тремя пятизвездочными отелями, причалом для яхт, ресторанами и всей прочей инфраструктурой.

Клиенты предоставили Лиззи свободу действий, попросив ее меблировать комнаты в «шикарном стиле Ноттинг-Хилла».

И хотя Ноттинг-Хилл находился далеко от их индустриального Манчестера, Лиззи сразу поняла, чего хотят ее клиенты: белые стены, роскошные ваннные комнаты и кухни, сверкающие мраморные полы, стеклянная мебель, экзотические растения и цветы, мягкие диваны...

Лиззи слетала в Грецию, чтобы посмотреть дом ее клиентов – пожилой пары, которым, как ей казалось, она никогда не смогла бы угодить. Увидев это строение, она не смогла скрыть разочарования. Лиззи ожидала увидеть нечто креативное и инновационное по архитектурному замыслу, что прекрасно вписывалось бы в окружающий пейзаж, но то, что она увидела, буквально ужаснуло ее. Шестизэтажный дом в виде коробки, с так называемыми «сдвоенными апартаментами», с узкой подъездной дорогой, раздваивающейся в конце, и с кучей колючей проволоки на развилке. Этот дом было трудно назвать роскошным курортным отелем.

Лиззи поделилась своими сомнениями с клиентами, сказав, что эти «апартаменты» будет трудно продать, но те уверили ее, что волнуется она напрасно.

– Послушайте, мы купили этот дом по такой низкой цене, что не останемся в проигрыше, даже если он будет дешеветь каждую неделю, – весело пошутил Бэзил Рейнхилл. По крайней мере, Лиззи приняла его слова за шутку.

«Деньги были его родной стихией, – однажды с гордостью сообщила Лиззи жена Бэзила. – Он был рожден с серебряной ложкой во рту и обладает прекрасным чутьем насчет выгодных вложений. Это – дар свыше, уверяю вас. В его семье все обладают таким даром».

Но на этот раз чутье его подвело. И прежде, чем Рейнхиллы бесследно исчезли, оставив после себя кучу долгов, Бэзил Рейнхилл сообщил Лиззи, что, не имея возможности расплатиться с ней, он отдает ей двадцать процентов доли в этих греческих апартаментах. Лиззи предпочла бы получить деньги, которые супруги ей задолжали, но ее юрист посоветовал ей согласиться на предложение мистера Рейнхилла. Таким образом Лиззи стала совладельцем апартаментов, наряду с Рейнхиллами и Тино Маносом – греком, который владел этой землей.

Будучи прекрасным дизайнером, она постаралась как можно лучше спроектировать внутреннюю отделку дома, несмотря на ограниченные возможности, которые предоставляло это убогое сооружение. Лиззи обычно заказывала мебель в ближайших магазинах, экономя деньги заказчика, и на этот раз была очень довольна полученным результатом. И вот теперь она получила это тревожное, даже угрожающее письмо. Писал человек, о котором она раньше ничего не слышала. Он настаивал на том, чтобы она вылетела в Фессалоники для встречи с ним. «Существует некоторые юридические и финансовые проблемы, касающиеся вашего партнерства с Бэзилем Рейнхиллом и моим кузеном Тино Маносом, – говорилось в письме, – и их надо решить при личной встрече». В конце письма была добавлена угрожающая фраза: «Если вы не ответите на это письмо, я прикажу моему юристу решать вопросы самостоятельно, действуя от моего имени». Внизу стояла подпись: *Илиос Манос*.

Письмо не могло прийти в более худшее время, к тому же общий тон письма был настолько угрожающим, что Лиззи не могла не повиноваться его требованиям. Она совершенно не хотела встречаться с этим человеком, но ей надо было подумать о семье.

– Если этот грек так сильно хочет тебя видеть, пусть хотя бы оплатит твой авиабилет, – проворчала Руби.

Но Лиззи чувствовала виноватой себя:

– Это все произошло по моей вине. Я должна была понять, что рынок недвижимости чрезвычайно раздут, и не создавать пузырь, который в итоге лопнул.

– Лиззи, ты не должна винить себя, – попыталась утешить ее Чарли. – А что касается того, должна или не должна ты была понять... Даже правительство не смогло предугадать кризис!

– А если ты обратишься в банк и скажешь, что тебе надо слетать в Грецию, дадут ли они тебе кредит? – с надеждой спросила Руби.

Чарли отрицательно покачала головой:

– Банки сейчас не выдают кредитов.

Лиззи прикусила губу. И хотя ни Чарли, ни Руби не упрекали ее за то, что бизнес ее рухнул, она чувствовала себя ужасно. Сестры верили ей. Она была самой старшей, самой разумной, и младшие брали с нее пример.

– Так что же будет делать наша бедная Лиззи? Этот грек может сильно нам навредить, если она не поедет и не увидится с ним. Но как же она может поехать, если у нас нет денег? – спросила Руби.

– У нас есть деньги, – внезапно вспомнила Лиззи, с явным облегчением. – Мы достанем деньги из моей копилки, а в Греции я смогу пожить бесплатно, в одной из моих комнат.

«Копилкой» Лиззи было декоративное жестяное ведерко, стоявшее в ее офисе, в которое она бросала мелкие монеты, когда их становилось слишком много в кошельке.

Через несколько минут три сестры задумчиво смотрели на это ведерко, теперь стоявшее на кухонном столе.

– Ты думаешь, там достаточно денег? – с сомнением спросила Руби.

Для выяснения этого существовал единственный способ.

– Восемьдесят девять фунтов, – объявила Лиззи через полчаса, когда мелочь была подсчитана.

– Восемьдесят девять фунтов и четыре пенса, – уточнила Чарли.

– Этого будет достаточно? – спросила Руби.

– Думаю, да, – решительно произнесла Лиззи.

Она вспомнила о том, что в период спада деловой активности, когда количество пассажиров резко сокращается, можно купить довольно дешевые авиабилеты. Кроме того, у нее все еще были ключи от апартаментов, которые были частично ее собственностью. А если сказать точнее, то двадцать процентов принадлежали ей. И она собиралась остановиться в этих номерах – на то время, пока будет разбираться с проблемами, оставшимися после Рейнхиллов.

Глава 2

Лиззи не верила своим глазам.

Не может быть! Этот дом не мог просто исчезнуть!

Но он исчез.

Заморгав, Лиззи взглянула снова, отчаянно надеясь на то, что ей просто померещилось, – но это не помогло. Дома на месте не было. Там, где она ожидала увидеть знакомое квадратное здание с гостиничными номерами, была ровная земля, со следами колес тяжелой строительной техники.

Она так долго и тяжело добиралась сюда. Водитель такси, молодой грек, гнал машину на полной скорости, будто стараясь оторваться от своих колес. Лиззи подпрыгивала на сиденье, хватаясь за ручки двери: она и без того чувствовала себя разбитой после изнурительного перелета на некомфортном дешевом самолете.

Наконец они свернули с шоссе на пыльную, узкую, изрытую колеями дорогу, которая вела к оконечности полуострова и «отелю». Машина подсакивала на ухабах, Лиззи качалась из стороны в сторону, пытаясь сохранить равновесие. Наконец она увидела развилку дороги, которая в прошлом году была перегорожена кучей колючей проволоки, а теперь здесь стояли внушительные кованые ворота с висячим замком.

Когда дорога стала совершенно разбитой, таксист, отказавшись ехать дальше, высадил ее из машины. Лиззи, прежде чем покинуть аэропорт, выяснила у водителя, сколько будет стоить их поездка, так как ей приходилось считать каждый пенни, и взяла у него визитку с телефоном. Она собиралась вызвать такси, после того как устроится в этом отеле. Ей надо было поехать в город, встретиться с Илиосом Маносом и заключить с ним контракт.

И вот теперь Лиззи неподвижно смотрела на изрытую колесами землю, где когда-то стояла гостиница, а затем, подняв голову, взглянула на оконечность мыса, где жесткая редкая трава сливалась с зимним серым Эгейским морем. Свежий ветерок, подувший ей в лицо, показался ей соленым на вкус. Или солеными были ее слезы?

Она не могла понять, что происходит. Бэзил заверил ее, что она имеет в этом здании долю, составляющую двадцать процентов, – а именно два номера, каждый стоимостью двести тысяч евро. Но сейчас стоимость этих комнат не имела никакого значения, потому что эти комнаты исчезли, вместе с самой гостиницей.

И что же ей теперь делать? В кошельке у нее было пятьдесят евро, ей нигде было остановиться, здесь не было никакого транспорта, на котором она смогла бы добраться до города, и никакого жилья. Вообще ничего. У нее было только письмо с угрожающим содержанием. И ей надо было разобраться с этим письмом – и с женщиной, который ей угрожал.

* * *

Если бы кто-нибудь сказал, что Илиос Манос был в плохом настроении, то это было бы очень мягко сказано. Илиос, подобно Зевсу-громовержцу, метал громы и молнии, когда приходил в ярость, и этот ураган мог разрушить все, что вставало на его пути. Так было и сейчас.

Причиной его гнева на этот раз был кузен Тино. Он уже пытался вытянуть деньги из Илиоса посредством незаконного использования земли их деда, но ему это не удалось. Теперь Тино придумал другой способ шантажа – оспорить право наследства своего старшего двоюродного брата. Он заявил, что дед настаивал на том, чтобы Илиос женился. Если этого не произойдет, то земля достанется ему незаконно, потому что она должна передаваться от семьи к

семье через мужскую линию. Конечно, Илиос это понимал, как понимал и то, что рано или поздно ему надо будет произвести на свет наследника.

Сначала Илиос решил проигнорировать угрозу Тино, но адвокаты предупредили его, что кузен может затеять долгую судебную тяжбу, которая потребует больших материальных затрат, и поэтому лучше от Тино откупиться.

Илиос страшно разгневался:

– Поддаться на шантаж Тино? Никогда!

До него, словно издалека, донеслись слова адвоката. Тон его был извиняющимся.

– В таком случае, может быть, вы подумаете о том, чтобы найти себе жену?

– С какой стати? – возмущенно воскликнул Илиос.

– Вашему кузену нечего терять, а у вас намечается очень крупный проект. Вы рискуете потерять много времени и денег в этом бесконечном судебном процессе.

Адвокат предложил ему взять «тайм-аут» и спокойно обдумать ситуацию. Возможно, он надеялся, что Илиос согласится отдать Тино один миллион евро, который требовал его кузен, – ведь это была небольшая сумма по сравнению с миллиардами, которыми владел Илиос. Но адвокат не понимал главного. Тино хотел пожить деньгами, которые сам не заработал. И Илиос решительно не мог этого допустить.

Охваченный яростью, Илиос вышел на улицу и, схватив топор, стал рубить старое большое оливковое дерево. И вдруг увидел, что по дороге, в его направлении, движется такси. Водитель остановился, высадил пассажира, а затем, развернувшись, уехал обратно.

В старой каске с логотипом «Манос констракшн», белой футболке и джинсах, заправленных в грубые сапоги, Илиос был похож на местного рабочего. Бросив топор, он отошел от дерева и увидел Лиззи, смотревшую на море. Илиос остановился, скрестив руки на груди.

Она снова взглянула на землю, разровненную гусеницами экскаватора, где совсем недавно еще стоял дом, и застыла на месте. Перед ней стоял незнакомый мужчина и смотрел на нее.

– Вы вторглись в чужие владения. Это частная земля.

Он говорил по-английски! Но слова, которые он произнес, были злыми и враждебными. И это заставило Лиззи ответить ему с такой же враждебностью:

– Часть этой земли принадлежит мне.

Конечно, это была не совсем правда. Но, как совладелец гостиничных номеров, она, наверное, владела и частью земли, на которой было построено здание. Лиззи не знала досконально юридических законов Греции, касающихся вопросов собственности, но этот мужчина так резко с ней заговорил, что она почувствовала: ей надо защищать себя и отстаивать свои права. Что ж, она совершила ошибку. Мужчина, опустив руки, продемонстрировал ей мускулистый торс, обтянутый взмокшей, в грязных пятнах футболкой. Мужчина шагнул к ней.

– Земли Маносов никогда не принадлежали кому-либо, кроме Маносов.

Он был страшно разгневан. Его золотистые орлиные глаза, опущенные густыми черными ресницами, пронзили ее насквозь, и Лиззи почувствовала себя беспомощной жертвой. Охваченная паникой, она попятилась назад и, зацепившись за кочку, поросшую жесткой травой, потеряла равновесие.

Но Лиззи не упала – мужчина успел подхватить ее. Жесткие пальцы крепко сжали ее руку, обтянутую рукавом пиджака. Взгляд скользнул по ее телу. В этом взгляде было нечто хищническое, мужское – и это взбесило ее. Он смотрел на нее так, словно... словно был мифическим богом, обладающим правом использовать любое незащищенное женское тело для своего удовольствия, когда только пожелает. Такой мужчина мог только брать, но не отдавать.

Спасая ее от падения, он невольно сдвинул назад свою черную широкополую шляпу, и она увидела, что у него густые черные волосы. Лиззи была высокого роста, но этот грек был гораздо выше ее – больше шести футов.

Подхватив Лиззи с небрежной легкостью, он прижал ее к себе. От него исходил запах земли, тяжелой работы и мужчины. И откуда-то из подсознания, из потаенных глубин ее души, поднялись воспоминания: отец держит ее на руках, в саду, возле их любимого родного дома в Чешире. С высоты его роста она смотрит вниз – на мать, играющую с двумя младшими сестрами, – и весело смеется. Это были такие чудесные годы – она чувствовала себя защищенной, счастливой, любимой...

Но этот мужчина не был ее отцом. И с этим мужчиной у нее не могло быть никакой безопасности, защищенности, а тем более – любви!

– Отпустите меня! – гневно воскликнула Лиззи.

Илиос не привык к тому, чтобы женщины требовали их отпустить, когда он их обнимал. Совсем наоборот. Обычно женщины – особенно такие, как эта: эгоистичные, поверхностные, корыстолюбивые, – сами стремились завлечь его в интимные ситуации. Наверное, именно поэтому он с такой неохотой отпустил ее.

Когда она попыталась освободиться от него, он почувствовал ее запах, тонкий и почти неуловимый. И внутри его вспыхнуло горячее чувство, незнакомое и будоражащее. Желание? Неужели он захотел такую женщину, как эта? Это невозможно. Он резко отпустил ее, отступив назад.

– Вы кто? – дрогнувшим голосом спросила Лиззи, пытаясь обрести равновесие – моральное и физическое.

– Илиос Манос, – коротко сказал ей Илиос.

Этот мужчина был Илиосом Маносом? Тем человеком, который прислал ей письмо? Сердце Лиззи подпрыгнуло к самому горлу.

– Илиос Манос, хозяин этой земли, на которой вы не имеете права находиться, мисс Верхэм, – мрачно произнес Илиос.

– Откуда вы знаете мое имя? – Этот вопрос сорвался с ее языка, прежде чем она успела подумать.

– Ваше имя написано вот здесь, – коротко заметил Илиос, указав на ее небольшую дорожную сумку, к которой была прикреплена яркая цветная багажная бирка. Лиззи совершенно забыла про нее.

– А что случилось с гостиницей?

– Я приказал ее снести.

– Что? Почему? Вы не имели права! – Она не могла верить его словам и от этого еще больше разозлилась, но вместе с тем – непонятно почему – еще острее стала ощущать его близость. Будто в ней возникло новое, совершенно непрощенное чувство, предназначенное исключительно для того, чтобы ощущать все, относящееся и принадлежащее ему. От мельчайших морщинок вокруг глаз, когда он прищуривал их, до формы губ, когда он говорил. Но острее всего она ощущала его мощное мужское тело.

– Я имел право. Это здание было построено на моей земле. Незаконно.

Лиззи пыталась подавить в себе это ощущение.

– Эта земля принадлежит моему партнеру Тино Маносу, а не вам!

– Мой кузен уступил мне право собственности на эту землю.

– Но вы не должны были сносить этот дом! К вашему сведению, два номера в этой гостинице принадлежали мне.

– Да, – согласился он. – Принадлежали.

Было нечто в его взгляде, что пробудило в Лиззи сильную тревогу – будто она, совершенно невольно, попала в какую-то ловушку.

– Скажите мне, мисс Верхэм, насколько же надо быть жадным человеком, чтобы, проигнорировав все юридические законы, пытаться отхватить кусок, даже понимая, что это –

мошенничество? – Голос его был язвительным, и поведение по отношению к ней выражало презрение.

– Я... я не понимаю, о чем вы говорите.

– Неужели? Вы были в доле с моим кузенком. Вы сами это сказали. И должны знать о том, что нормы строительства были нарушены, а поставщики и рабочие остались без оплаты. И произошло это потому, что ваш партнер хотел снизить свои затраты до минимума и получить максимальную прибыль.

– Нет, я не знала об этом! – воскликнула Лиззи.

– Вы представляете, какой ущерб нанесла ваша жадность? Какие неприятности вы причинили тем, кого обманули? Или вас это просто не волнует? Ну, я сделаю так, что вы будете волноваться, мисс Верхэм. И вы заплатите все, что должны!

Илиос был зол, как никогда. Его кузен постоянно пытался обмануть его посредством всяческих манипуляций, но теперь он осмелился посягнуть на то, что по праву Илиос всегда считал своим! Его кузена здесь нет, чтобы расплатиться за свои поступки, но эта англичанка, его соучастница в преступлении, приехала сюда – и еще осмеливается лгать ему! Значит, гнев его будет обрушен на нее и ей придется ответить за все!

– Все, что я должна? – воскликнула Лиззи, и сердце ее упало. – О чем вы говорите? Я никому ничего не должна.

Она упорно продолжала ему лгать, и от этого решимость Илиоса наказать ее еще больше возросла. Англичанка воплощала в себе все черты, которые он так не любил и презирал в слабом поле. Эта женщина была не только лживой – она старалась скрыть свою непорядочность за невинной внешностью. Она была одета в джинсы, футболку и простую куртку, и на ее красивом лице не было ни грамма косметики.

Ее чертовски тонкий и манящий запах пробуждал в нем желание прижать ее к себе, вдохнуть этот запах сильнее, насладиться им, а розовые полные губы – желание припасть к ним ртом и узнать, такие ли они нежные на вкус, какими кажутся на взгляд. И если другая, менее изощренная женщина попыталась бы в этом случае прибегнуть к уловкам, чтобы скрыть свой обман, то Элизабет Верхэм прибегла к искусству – искусству притворства – и изобразила честную, невинную, незащищенную девушку. Ну, с ним этот номер не пройдет! Все, кто вступал в какие-то деловые отношения с его кузенком, несомненно, были такими же лживыми, как сам Тино. Даже такая привлекательная женщина, как она. Мисс Верхэм может использовать свою сексуальность сколько угодно, чтобы обворожить его. Он не попадется на эту удочку.

Не дождавшись ответа от Илиоса Маноса, Лиззи, собрав все свои силы, повторила так твердо, как только смогла:

– В Греции я никому не должна никаких денег, и я не понимаю, почему вы предполагаете, что...

– Я не *предполагаю*, мисс Верхэм. Я *знаю* это. Потому что человек, которому вы должны деньги, – это я.

Лиззи, глотнув воздух, постаралась не поддаваться панике:

– Но это невозможно...

У Илиоса не было настроения позволять ей продолжать лгать:

– Вы должны мне деньги, мисс Верхэм, потому что вы, вместе с моим кузенком, построили гостиницу на моей земле. Кроме того, вы должны оплатить услуги, которые были оказаны вам местными фирмами.

– Но это не моя вина! Им должны были заплатить Рейнхиллы, – попыталась защититься Лиззи.

– В контракте, предоставленном мне моим кузенком, ясно написано, что *вы* должны им все оплатить.

– Нет, это невозможно! – повторила Лиззи.

– Уверяю вас, что это так.

– У меня есть с собой копия контракта, и там четко сказано, что поставщикам должны заплатить владельцы гостиницы, – настаивала Лиззи.

– В контракт могли быть внесены изменения.

– Наверняка так и произошло, но я не имею к этому никакого отношения! – Лиззи охватило отчаяние, и щеки ее ярко вспыхнули.

– Вы можете это доказать? – Взгляд Маноса был жестким. По лицу его было видно, что он ей явно не верил.

– У меня есть контракт, где написано, что поставщикам должны заплатить *мои клиенты*.

– Я спрашиваю вас не об этом. В контракте, который имеется у меня, четко написано, что именно вы должны им заплатить. А также оплатить стоимость работ по сносу здания и приведению этой земли в первоначальное состояние.

– По сносу здания? – словно эхо, повторила Лиззи. – Но ведь я не имею к этому никакого отношения. Ведь именно вы приказали его снести – вы сами сказали мне это...

У Лиззи подгибались колени, и ей отчаянно хотелось куда-нибудь сесть. Она была утомлена, испугана, но понимала, что ей нельзя показывать слабость этому мужчине с каменным лицом. Он был похож на греческого бога, но разговаривал с ней так сурово, будто был богом подземного царства, жаждущим ее уничтожения. Он сам, несомненно, никогда никому не показывал своих слабостей и не делал поблажек тем, кто их имел. Но здесь негде было присесть, негде было спрятаться. Она никуда не могла скрыться от мужчины, который смотрел на нее так, будто хотел стереть ее с лица земли.

– У меня не было выбора. Даже если бы я хотел сохранить эту гостиницу, вряд ли мне это удалось бы. Гостиница была ненадежным строением, в ней было опасно жить. И она стояла на моей земле – под видом здания, построенного *моей* компанией.

Илиос вспомнил о том, какие чувства охватили его, когда он узнал о попытках кузена использовать его доброе имя в своих гнусных целях, – и еще больше разъярился.

Его компания!

Лиззи машинально взглянула на его каску с логотипом фирмы. Она вспомнила, что Бэзил Рейнхилл ухмыльнулся, когда сказал ей, что «Манос констракшн» страхует строительство этих апартаментов, а у них – первоклассная репутация. Тогда она решила, что эта ухмылка свидетельствовала о том, что он предлагал ей хорошую сделку, но теперь...

– Я ничего не знаю о том, как была построена эта гостиница. Я ничего в этом не понимаю. Я лишь занималась внутренней отделкой комнат, вот и все.

– О, не надо, мисс Верхэм... вы думаете, что я поверю вам, когда на руках у меня имеется контракт, в котором ясно говорится о том, что вы стали совладельцем этого здания?! Ведь ваша доля составляет двадцать процентов, не так ли?

– Это произошло потому, что Рейнхиллы не могли мне заплатить. И они предложили мне войти в долю, это и была бы оплата моего труда.

– Меня совершенно не интересует, как вы поделили с ними это незаконное строение, которое возвел мой кузен на моей земле. Меня интересует лишь то, что вы должны заплатить за возмещение материального ущерба, а также выплатить долг поставщикам.

– Вы все это нагло придумали! – возмутилась Лиззи.

– Вы осмелились назвать меня лжецом? – Илиос снова схватил ее за плечи. Как она посмела обвинить его во лжи?! И его пронзило желание наказать ее, заставить взять свои слова обратно, впиться губами в ее губы, чтобы из груди ее вырвался тихий стон, свидетельствующий о поражении...

«Я ляпнула что-то не то», – поняла Лиззи. Илиос Манос не тот человек, которого можно было обвинить во лжи. Гордость – его основная черта. Это было видно по его лицу, на котором

присутствовала «печать гордости», и Лиззи догадывалась, что каждая мысль, которая возникла в его голове, тоже носила эту «печать».

Он все еще держал Лиззи в своих руках, и от его прикосновения тело ее вздрагивало. Внезапно его взгляд обратился на ее тело – будто он только что понял, какое чувство он в ней пробудил.

Она беспомощно и отчаянно пыталась побороть в себе желание еще крепче прижаться к нему. Ее груди напряглись и болезненно заныли, откликаясь на властный призыв мужчины, которому она была не в силах противостоять.

Что с ней происходит? Почему ее тело так реагирует на Илиоса Маноса? Словно... словно ее тело хочет его? «Должно быть, это какая-то странная реакция от пережитого шока», – потрясенно решила Лиззи, когда он наконец разжал свои руки – и чуть не оттолкнул ее от себя.

– Я не называла вас лжецом, – возразила Лиззи, чувствуя, что ей надо отступить. – Я просто сказала о том, что у вас неправильная информация. И, кроме того, почему бы вам не потребовать компенсации от вашего кузена вместо того, чтобы требовать ее от меня? – воскликнула Лиззи, быстро переходя в атаку.

Нападение, как известно, лучшая форма защиты, а Лиззи непременно надо было защитить себя от тех ощущений, которые овладевали ею, когда этот мужчина прижимал ее к себе. Как это могло произойти? Она совершенно этого не ожидала. Она не должна была так реагировать. У нее семья, о которой она должна была думать в первую очередь. Она и представить себе не могла, что может возбудиться от одного вида мужчины, который ненавидел и презирал ее.

Решительно встряхнув себя и попытавшись упорядочить смятенные мысли, она сказала:

– Между прочим, я владела всего лишь двадцатью процентами этого здания, а ваш кузен, как сказали мне Рейнхиллы, владеет землей и значительной частью апартаментов и именно он руководил строительными работами. Я никогда не видела его, никогда не обсуждала с ним его бизнес-план. Я получила эти номера за то, что выполнила определенную работу, вот и все. Двадцать процентов – всего лишь мое вознаграждение.

Илиос знал, что это была правда, но в данный момент он был настроен воинственно и не желал давать англичанке пути к отступлению.

– У моего кузена нет ничего, кроме больших долгов. А Рейнхиллы, как вам уже, наверное, известно, бесследно исчезли. А вы, хотя и являетесь владельцем двадцати процентов собственности, несете такую же ответственность, как и все остальные. Это указано в контракте, который вы собственноручно подписали. Там есть пункт о «солидарной ответственности», которая подразумевает индивидуальную ответственность каждого владельца за общие долги. А это значит, что я могу потребовать от вас заплатить всю сумму.

– Нет, этого не может быть, – в ужасе произнесла Лиззи.

Илиос взглянул на нее. В ее голосе слышалась неподдельная паника. Он видел, что она дрожит.

«Притворяется, – мрачно сказал он себе. – Разыгрывает сцену».

– Уверяю вас, что так оно и есть.

– Но у меня нет таких денег! – На самом деле у нее *вообще* не было денег.

– Нет? Хочу сказать вам, что я желаю получить полную компенсацию. Вы должны не только выплатить мне долг, но и заплатить за потенциальный ущерб, который мог быть нанесен моему бизнесу. Этот бизнес я создавал своими руками, тяжелым трудом, в отличие от таких, как вы, которые наживаются за счет наивности и простодушия других людей. У вас есть собственное дело?

– Да, – призналась Лиззи. – Но оно почти уже развалилось.

Зачем она сказала это ему? Даже своим сестрам она не говорила о том, как плохо у нее идут дела, что каждый заработанный ею пенни она тратит на выплату ипотечного кредита, на поддержание домашнего хозяйства, на покупку еды для семьи.

– У вас есть собственность? Дом, я полагаю? – давил он.

– Да, но он в ипотеке, и к тому же я живу в нем вместе со своими сестрами, у одной из которых маленькие дети, и все они зависят от меня.

Лиззи не знала, зачем она рассказывает это ему: возможно, под воздействием шока и паники. Она не позволяла себе даже вспоминать о тех длинных бессонных ночах, когда она мучительно думала о том, как защитить свою семью.

– У вашей сестры нет мужа, который заботился бы о ней и ее детях? У вас нет родителей?

– Нет мужа, и нет родителей. Но это не ваше дело, и это не имеет отношения к нашему разговору. Я не могу найти деньги, чтобы выплатить вам долг. У меня их просто нет. Единственное, что у меня есть, – это я сама...

– И вы предлагаете мне себя в качестве оплаты?

Лиззи пришла в ужас:

– Нет! Никогда!

Ее немедленный отказ, да еще такой пылкий, еще сильнее возбудил Илиоса. Неужели англичанка осмеливается думать, что слишком хороша для него? Что она имеет над ним моральное превосходство? «Ну, я скоро заставлю ее поменять свое мнение», – мрачно пообещал себе Илиос.

– Мое предложение возникло в связи с вашим заявлением о том, что единственной вашей собственностью на данный момент являетесь вы сами.

Он решил унижить ее! Лиззи видела это. Оттого, что он почувствовал, как она хочет его?

– Нет. То есть да. Но вы меня неправильно поняли. Я хотела сказать, что у меня нет ничего, что помогло бы мне заработать деньги, чтобы отдать вам долг.

– Ничего, кроме вас самой?

– Я совершенно не это имела в виду, – повторила Лиззи, помертвев от ужаса. – Я хотела всего лишь сказать, что... – Она подняла руку к голове. В висках ее стучало от волнения и отчаяния. – Я не могу вам заплатить.

Терпение Илиоса лопнуло. Гнев в своем кипении достиг предельной точки. Он получит то, что ему должны эти мошенники, – тем или иным путем.

– Ну хорошо... – начал он, и Лиззи на миг почувствовала облегчение. Наверное, он понял наконец, что от нее невозможно получить деньги. – Если ваше тело – это все, чем вы владеете, тогда я его и возьму. Ведь я сказал вам это – я *получу* все причитающиеся мне долги.

Глава 3

Откинув голову назад, Лиззи с ужасом взглянула на Илиоса.

– Вы... вы не имеет права так говорить! – вскричала она. Но в этот момент что-то яростное, стихийное вспыхнуло в ней – желание, возбуждение, первобытная потребность женщины. Тело ее содрогнулось, а душу охватил стыд: она не должна была хотеть его, и тем более – в таких обстоятельствах.

– Имею право, – заверил ее Илиос.

– Не могу поверить, что кто-то может быть таким... жестоким и бесчеловечным, таким черствым и бездушным.

Внезапный звонок мобильного телефона, сообщающий Лиззи о поступившем сообщении, мгновенно отвлек их обоих.

Наблюдая за тем, как она нервно роется в сумочке в поисках своего телефона, Илиос презрительно скривился.

– Вы явно сгораете от нетерпения, чтобы прочитать послание своего любовника, но...

– Это сообщение от моих сестер, – рассеянно прервала его Лиззи, не отрывая глаз от маленького экрана. – Они хотят знать, все ли у меня в порядке.

– И вы, конечно, сейчас напишете им о моем так называемом «жестоким и бесчеловечным» поведении.

– Нет, – ответила Лиззи. – Если я сделаю это, они будут очень переживать за меня, а я совсем этого не хочу. Я – старшая сестра. И это я должна оберегать их, а не они меня.

Илиос молча обдумывал ее ответ. Старшая сестра, заботящаяся о своих младших сестрах? Совсем не такой он хотел видеть эту женщину.

– Уже темнеет, – сказал он ей, указав на горизонт. Белое зимнее солнце, скрываясь за облаками, опускалось за край моря. – Скоро будет совсем темно. Мне надо возвращаться в Фессалоники. И там мы можем продолжить нашу дискуссию.

Лиззи помертвела, но вдруг увидела возможность скрыться от него, что было ей крайне необходимо. Ей ненавистна была мысль о побеге, она хотела остаться и бороться с ним до конца, чтобы доказать свою невиновность. Но с этим человеком, одержимо и гневно настаивавшим на возмещении ущерба, нельзя было нормально общаться по всем правилам поведения.

– Замечательно, – согласилась она, снова доставая свой мобильный телефон.

– Что вы делаете? – требовательно спросил Илиос.

– Собираюсь вызвать такси, – ответила Лиззи.

Илиос покачал головой:

– В этом нет необходимости. Вам не надо вызывать такси. Вы поедете со мной.

– Нет! То есть спасибо вам. Я предпочитаю сама решать свои проблемы, – твердо произнесла Лиззи, но сердце ее панически забилося.

– Оставьте ваши чопорные английские манеры, – буркнул Илиос. – Уверяю вас, что я не собираюсь использовать свой автомобиль как некую временную замену публичного дома. И, кроме того, сумма, которую вы задолжали мне, настолько велика, что вы не сможете расплатиться со мной всего за один раз, в неудобной позе, на заднем сиденье автомобиля. – С этими словами он взял ее дорожную сумку, и сделал это так властно и быстро, что Лиззи ничего не оставалось делать, как кивнуть в знак согласия. – Пойдемте со мной, – скомандовал Илиос.

Ему надо было взять машину, оставленную возле виллы Манос, но он не хотел оставлять Лиззи здесь одну. Он не верил ей. Возможно, мошенница попытается обмануть его во второй раз и скрыться, не заплатив долги.

Тропинка, поднимавшаяся к мысу, была узкой, и Илиос дал ей ясно понять, чтобы она шла впереди него. В обычных обстоятельствах Лиззи порадовалась бы такой прогулке – ран-

ним вечером, на свежем воздухе. И даже сейчас, когда они поднялись наверх, она не смогла удержаться от соблазна. Сойдя с тропинки, девушка направилась к самому краю обрыва, чтобы полюбоваться прекрасным морским пейзажем.

Илиос смотрел, как ветер треплет светлые волосы Лиззи, обвивая их вокруг ее стройной шеи, но вдруг понял, *что* она делает.

Лиззи сделала всего лишь несколько шагов, когда услышала позади себя его командный голос: «Не двигайся. Оставайся на месте».

Ей было трудно отказать себе в таком маленьком удовольствии после всего, что здесь произошло. Поэтому Лиззи проигнорировала его, решив хоть в чем-то одержать над ним победу. Это было ее восстанием, и она предвкушала триумф.

Лиззи, не обернувшись, продолжала идти к краю обрыва, и тогда Илиос, бросив ее сумку, кинулся за ней.

Лиззи слишком поздно поняла, почему он кричал ей вслед. Земля вдруг стала оползать под ее ногами. Край обрыва стал отваливаться – и Лиззи почувствовала, что сейчас он рухнет в море. Вместе с нею, камнями и землей... Голова у нее закружилась, в глазах потемнело.

Она упала, но не в море. Через секунду, придя в себя, Лиззи с облегчением осознала, что лежит на твердой земле, в объятиях Маноса. Он успел ухватить ее в тот момент, когда она уже готова была свалиться с обрыва, и, с силой дернув на себя, упал вместе с ней на землю. Он спас ей жизнь...

– Ты с ума сошла?! Что ты хотела сделать, черт возьми?

– Во всяком случае, не броситься со скалы, как вы подумали! Кроме всего прочего, моя жизнь не застрахована. Поэтому у меня нет никаких оснований покончить с собой.

– Хочешь сказать, ты не собиралась разыгрывать драму, заявив, что тебе лучше умереть, чем быть опозоренной? – с насмешкой произнес он. – Ну и правильно, потому что ты понапрасну бы потратила время, так как уже опозорила себя, задолжав мне деньги.

– Я только хотела полюбоваться пейзажем, – оправдывалась Лиззи. – Я не знала, что это опасно. Здесь нет никаких предупреждающих знаков.

– А здесь их и не должно быть! Это частная собственность. Эта земля принадлежит мне, ее могу использовать только я, и только я могу наслаждаться ею.

Лиззи все еще была в руках Илиоса, и тяжелое мужское тело придавливало ее к земле...

Она никогда не испытывала такие чувства. Вся ее жизнь, все ее мысли были посвящены только семье.

И теперь, ощутив влечение к этому мужчине, Лиззи пришла в ужас. Она попыталась подавить в себе это чувство, но ей это не удалось. Оно было слишком сильным, слишком настойчивым, слишком властно заявляло о себе...

Илиос ощутил, как маленькое сердце бьется под его рукой, словно пойманная птица, отчаянно рвущаяся на свободу. Но эта женщина – как и эта земля, а также все, что находилось на ней, – принадлежала ему.

Непроизвольно его рука слегка сжала ее грудь, а большой палец прикоснулся к мягкому вначале, но мгновенно напрягшемуся соску. Затем он сжал ее грудь, погладил сосок, а другая рука крепче прижала женщину к себе. Одной ногой он раздвинул ее обтянутые джинсами бедра.

Весь мир – тот мир, который, казалось, она знала, – словно сошел с ума. Ее тело загорелось огнем, будто в лихорадке. Ее груди – сразу обе, а не только та, которую он ласкал, – томительно жаждали наслаждения. А ощущение мужского бедра между ее ног пробуждало желание прижаться к нему, а затем раскрыться для него.

Этот мужчина был... Этот мужчина был ее врагом!

Лиззи резко оттолкнула его, и Илиос сразу же ее отпустил. Он злился – на себя, за недопустимое и непостижимое желание, – и на нее, за то, что она вызвала его.

– Ты не имел права так поступать! – с яростью заявила Лиззи.

– Твое тело говорило совсем другое... – возразил он.

Конечно, он понял, что она чувствовала. Лицо Лиззи покраснело как маков цвет. Она, конечно, не позволила бы ему овладеть ею целиком. Не допустила бы этого.

– Ты можешь думать что хочешь, – воинственно произнесла она, – но я знаю правду.

Конечно, она знала. А правда заключалась в том, что ее охватило желание...

Глава 4

Когда Лиззи снова оказалась на ногах, а Илиос находился от нее на безопасном расстоянии, она решилась задать вопрос:

– Куда мы идем?

– Не в уединенный грот, где я смог бы заточить тебя, как нимфу, томящуюся в ожидании божественных любовных ласк. И там тебе пришлось бы удовлетворять любую мою чувственную потребность. Именно это ты себе вообразила? Нет, дорогая моя, мы всего лишь возвращаемся на виллу Манос, где я оставил свою машину.

– Вилла Манос? Ты там живешь?

– Нет. У меня есть апартаменты в Фессалониках, в здании, где находится офис «Манос констракшн». Вилла очень старая, и ей требуется ремонт. Мой кузен Тино надеялся, что она будет снесена, потому что, по его мнению, здание могло представлять опасность для отдыхающих в гостиничном комплексе, который он планировал построить здесь. Но, я думаю, ты уже все об этом знаешь, ведь вы партнеры.

Лиззи немного запыхалась, но после этих слов она резко повернулась к нему, и в ее серебристых глазах вспыхнул гнев.

– Я уже говорила тебе. Я никогда не видела твоего кузена и никогда не обсуждала с ним его бизнес-план.

– Он хотел, путем различных махинаций, заставить меня продать ему мою половину земли, доставшуюся от деда, и снести наш фамильный особняк. Вот что входило в его бизнес-план!

Илиос был уже на самом верху тропинки. Лиззи последовала за ним – и ошеломленно остановилась, когда увидела то, что находилось внизу.

В конце длинной подъездной дороги, обрамленной высокими деревьями, в окружении итальянских садов, слегка возвышающаяся над окружающим ландшафтом, как белая жемчужина на фоне темной зелени и голубой воды Эгейского моря, стояла...

– Вилла Эмо! – выдохнула Лиззи, с восхищением глядя на прекрасное здание. Повернувшись к Илиосу, она потрясенно произнесла: – Она выглядит точно так же, как вилла Эмо, которую построил Палладио для семьи Эмо, недалеко от Венеции.

По обе стороны главного дома расходились крылья в виде сводчатых галерей, а в концах их были возведены башенки в классическом стиле.

– Какая красота! – прошептала Лиззи, восхищаясь необыкновенной архитектурой и гадая о том, каким образом прекрасная вилла, созданная великим архитектором Палладио, построенная для семьи Эмо, оказалась в этом отдаленном уголке Греции, на этом уединенном мысу.

– Смертельная красота, можно сказать, потому что, когда ее захотели отнять у деда, он решительно воспротивился этому и в результате потерял двух своих сыновей – моего отца и отца Тино.

Не взглянув на Лиззи, Илиос стал спускаться к дому, по тропинке вниз. Лиззи машинально последовала за ним. Она мучительно старалась понять, что же тогда произошло.

– Что случилось с твоим отцом?

– Что случилось? – Илиос остановился так резко, что Лиззи чуть не врезалась в него. Ей пришлось даже на секунду упереться рукой в его плечо, чтобы не упасть, но она сразу же отдернула свою руку. Этот физический контакт мог снова пробудить в ней чувственное влечение, а ей надо было сохранять спокойствие духа. – Правящая хунта, захватившая в то время власть, после того как отец отказался продать виллу одному из ее членов, поставила его перед выбором: либо вилла, либо жизнь его сыновей. Но они не знали моего деда. Он выбрал виллу...

– Ценой своей плоти и крови? – Лиззи не смогла скрыть своего ужаса. – Как он мог пойти на это?

Они уже дошли до сада, но пошли по дорожке, огибавшей его.

– У него не было выбора, – глухо произнес Илиос, когда, пройдя по узкой тенистой дорожке, они оказались на мощеном дворе, где стоял его автомобиль.

– Что же случилось с твоим отцом?

– Его расстреляли. И отца Тино тоже. Но в разное время. Отец Тино, младший из двух братьев, был сначала освобожден. Ему удалось убедить черных полковников, что, если они отпустят его, он уговорит отца поменять свое решение. Но ему это не удалось. Моему отцу завязали глаза и расстреляли в тюремном дворе, а дядю застрелили при попытке к бегству...

Лиззи содрогнулась:

– Это ужасно... Представляю, что испытала твоя бедная мать.

– Полагаю, что она не сильно переживала. Их брак с отцом длился всего лишь несколько месяцев... Это был своего рода династический брак. И к тому времени, как она меня родила, режим черных полковников был свергнут.

Лиззи потрясенно взглянула на него:

– Значит, ты не знал своего отца?

– Нет.

– А... свою мать?

– Она повторно вышла замуж – за кузена, с которым у нее уже был роман. А меня отдали бабушке.

– Мать отказалась от тебя?!

Жалость, которую она все больше испытывала к нему, переросла в глубокое сочувствие. У самой Лиззи было счастливое детство. Она и ее сестры выросли в крепкой семье, с любящими и заботливыми родителями.

– Она посчитала, что выполнила свой долг, выйдя замуж за моего отца и родив ему сына, поэтому решила, что теперь может следовать велениям своего сердца, в котором для меня явно не осталось места.

– А где она теперь? Ты видишься с ней?

– Она и ее второй муж погибли в сильный шторм, когда катались на яхте.

Лиззи взглянула на виллу – она была потрясающе красива. Понятно, что любой человек всеми силами постарается сохранить такую виллу для своих потомков, но ведь не ценой жизни своих детей! Разве можно было принести в жертву своих сыновей, как это сделал дед Илиоса?

– Вилла Манос – это не только фамильное наследство, это священная реликвия, – холодно произнес Илиос, явно угадав ее мысли. – Наш дед сказал, что, пока эта вилла будет находиться в руках семьи, Маносы будут преуспевать, но если вилла будет потеряна, наш род вымрет, превратившись в пыль. И тот, кто в данный момент владеет виллой, должен позаботиться о том, чтобы передать ее своему потомку. Кузен мой старше меня, поэтому с самого детства он был уверен в том, что дед передаст ключи от виллы именно ему. Я тоже так думал.

– И почему же этого не произошло? – не могла сдержаться Лиззи.

– Я стал заниматься бизнесом и многого достиг, а Тино предпочитал жить на деньги деда, которые еще оставались у него. В конце концов дед решил, что историю и будущее нашей семьи лучше передать в мои руки. Он посчитал, что так будет надежнее. Землю он поделил пополам, а дом завещал мне.

«И это была настоящая греческая трагедия», – подумала Лиззи.

Илиос подошел к роскошному автомобилю. Лиззи теперь разглядела его: это был «бентли». Открыв пассажирскую дверь, Илиос взглянул на нее – он приглашал ее сесть.

«Какое ужасное, запятнанное кровью наследство он получил», – печально подумала Лиззи.

* * *

Короткий мартовский день плавно перетек в ранний вечер, когда они выехали на главную дорогу, ведущую в Фессалоники. Этот день был очень долгим для Лиззи: ей пришлось встать в пять часов утра, чтобы успеть на самолет, да к тому же добавились волнения дня. Машина покачивалась, мотор тихо урчал, и ей очень хотелось спать, но она вновь и вновь, усилием воли, открывала свои слипающиеся глаза.

Но в конце концов, откинув голову на кожаный подголовник, она уснула, повернувшись лицом к Илиосу – тому мужчине, который теперь распоряжался ее жизнью.

Наконец у Илиоса появилась возможность внимательно разглядеть женщину. У нее были тонкие черты лица, бледная кожа. Вечная, классическая красота. Англичанка была предана своей семье, что, впрочем, соответствовало и греческому укладу. Это тот тип женщин, на которых мужчины женятся, а не затаскивают в постель на одну ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.